

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)64-00

Н. П. Крохина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕЦЕПЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XX ВЕКА

Тема антропологического кризиса объединяет отечественных писателей конца XX века самых разных художественных ориентаций. Литература исследует мутации и симуляции общественного сознания, поколенческую деградацию и потерю идентичности, феномен жестокости и экзистенциальной усталости современного человека. Если литература Серебряного века противопоставляла общественному хаосу бессмертные истины христианства как религии свободы и любви, литература конца XX века показывает, как нельзя искупить жестокость жертвой хриstopодобного героя: жертва не спасает, а становится бессмысленной.

Ключевые слова: антропологический кризис, мутации, хаос-космос, дегуманизация.

N. P. Krokhina

ANTHROPOLOGICAL CRISIS IN THE RECEPTION OF RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE TWENTIETH CENTURY

The topic of the anthropological crisis unites domestic writers of the late twentieth century in a variety of artistic orientations. Literature examines mutations and simulations of social consciousness, generational degradation and loss of identity, the phenomenon of cruelty and existential fatigue of modern man. If the literature of the Silver Age contrasted the social chaos with the immortal truths of Christianity as a religion of freedom and love, the literature of the end of the twentieth century shows how cruelty cannot be redeemed by the victim of a Christ-like hero: the victim does not save, but becomes meaningless.

Key words: anthropological crisis, mutations, chaos-cosmos, dehumanization.

DOI: 10.46726/NOOS.2020.2.78-83

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 78—83.

Citation Link: Krokhina, N. P. (2020) Antropologicheskij krizis v recepcii otechestvennoj literatury konca XX veka [Anthropological crisis in the reception of Russian literature at the end of the XX century], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 78—83.

© Крохина Н. П., 2020

Тема антропологического кризиса объединяет отечественных писателей конца XX века самых разных художественных ориентаций — реалистов, постреалистов и постмодернистов. Антиутопия конца XX века исследует необратимые мутации человеческого сознания — после Взрыва (Т. Толстая «Кысь»). И не только сознания, но и внешнего вида голубчиков-мутантов: у кого жабры, у кого петушиные гребни по всей голове, у главного героя Бенедикта — хвостик, у Оленьки и ее семейства — когти. Мир вернулся в средневековое состояние. Старопечатные книги сжигают санитары. Бенедикт, главный герой, и переписывавшая книги, и читая их — без разбора, без числа — пытается приобщиться к прежней культуре, но ничего не получается. Смыслы утрачены, перевернуты. «Жили были дед да баба, — строчил Бенедикт, — и была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, не простое, а золотое... Да, Последствия! У всех Последствия!» [12, с. 40]. Роман пронизывает тема разрыва связи времен. Человек становится мутантом духа. «Отчего это у нас всё мутирует!.. Язык, понятия, смысл... Всё вывернуто!» [12, с. 273]. Главная причина в сказочно-пародийном романе Толстой — «мясорубка истории» [12, с. 159].

Вторая причина необратимых мутаций, вторая беда XX века — нарушение «совершенного круга природы и бытия», говоря словами героя романа А. Битова «Пушкинский дом» [5, с. 62]. Или говоря языком Г. Гачева — «ургия» заменила «гонюю»: насильственная переделка мира и человека заменила естественный ход вещей и привела к необратимым последствиям. Роман Битова — о поколенческой деградации: от героя-нонконформиста, деда, выразителя культуры Серебряного века к внуку-конформисту, живущему в мире симуляции, тотальной подмены истинных ценностей ложными. Дед Модест Одоевцев, пройдя ссылку, размышляет: «Принято, что человечество набрело на путь прогресса, меж тем как оно сбрело со своего пути... Задача разума — успеть во что бы то ни стало, до критической точки (необратимости) разорения Земли прогрессом, развенчать все ложные понятия» [5, с. 64—65].

«Совершенный круг природы и бытия» изображен в романе Анат. Кима «Отец-Лес». Все три поколения Тураевых возвращаются в спасительный Отец-Лес. В романе противопоставлены хаос человеческой жизни, человеческого леса и космос жизни природы, Отца-Леса: «то временное и человеческое, почти до смерти замученное войной, пленом, концлагерями, гноем и сукровицей ран, беспощадностью людей, согнанных в огромных количествах, чтобы убивать друг друга... теперь захвачено и растворено иной стихией, которая не ведает ни пощады, ни беспощадности и вечно пребывает в самой себе, отринув время, историю, смерть одинокого человека» [9, с. 16]. Сына Степана Тураева Отец-Лес возрождает к жизни. «Лес растворял их души субстанцией, в которой не было ощущения быстротекущего времени, разлагал их волю к самоутверждению... Человек жил и дышал всей глубиной необъятной зелёной груди тысячелетнего Леса» [9, с. 28]. В романе Кима также звучит тема человечества, которое «сбрело со своего пути». Внук Глеб Тураев полагал, что «человечество на Земле выпало именно из того Леса, как птенцы выпадают из гнезда», став строителем «Вавилонской башни» [9, с. 49, 283]. Системе гармонических закономерностей космоса противостоит человеческий «дебилизм ненависти» [9, с. 115], человеческая история, наполненная бесконечной борьбой — империй, цивилизаций,

идеологий, «страстью самоистребления» [9, с. 145] — «мясорубка истории» (Т. Толстая). «Энергия саморазрушения начала бушевать в Лесах человечества» [9, с. 145]. И во всех видах кровавой борьбы человечество терпит поражение. Если для деда, человека Серебряного века Николая Тураева, «в человеке явлен Бог» [9, с. 205], то для сына, прошедшего концлагерь, и внука, причастного к разработке оружия массового поражения, «человечество сошло с ума» [9, с. 289]: в своём истреблении Леса, поругании Деметры (Матери-Земли), попытке самоубийства через войны.

Литература Серебряного века общественному хаосу, мареву противопоставляла бессмертные истины христианства как религии свободы и любви: К. Бальмонт «Марев», Б. Пастернак «Доктор Живаго» («жизнь символична ибо значительна»). В литературе конца XX века и христианская традиция мутирует. Распятие нового Христа не завершается воскрешением. Героя ждет только Голгофа — и в поэме Вен. Ерофеева «Москва — Петушки», и в романе Ч. Айтматова «Плаха». В обоих романах Айтматова конца XX века («Плаха» и «Тавро Кассандры»), названных апокалиптической дилогией, полюс космоса поглощен общественным хаосом. Конец света «от вражды людей грядёт» — от их сверхволчьей жестокости. «Подлинная история, история расцвета человечности, ещё не началась на земле» [1, с. 561, 557]. Если «Плаха» повествует о трагической судьбе двух главных героев в их столкновении с общественным злом и о поражении христороподобного героя, «Тавро Кассандры» — роман планетарного масштаба, роман о перспективах современной глобальной цивилизации. Рост социальной энтропии символизируют киты, которые выбрасываются на берег, — «реакция мирового разума на земные события» [2, с. 43]; Кассандро-эмбрионы, не желающие родиться, — «следствие всё возрастающей концентрации зла в поколениях» [2, с. 62], ибо зло, совершённое субъектом, остаётся в генетической памяти; обезумевшая толпа. «Конец света — в непрерывном накоплении зла в нас самих, в наших деяниях и мыслях» [2, с. 169]. Эсхатологическими мотивами пронизан и роман Л. Леонова «Пирамида»: творение человека — ошибка Бога во вселенской борьбе сил добра и зла.

Духовный кризис современного мира осмысляет трилогия Ю. Бондарева «Берег», «Выбор», «Игра». В своих романах-дискуссиях писатель размышляет об обесценении слова и человека в современном мире: «Современному миру машин не нужны ни Шекспир, ни Толстой, ни Достоевский», «Сейчас в мире никому не нужен человек», «люди потеряли веру в самих себя» [6, с. 260, 343, 363]. Примитивнее становятся их чувства. «Чего достойны люди — ненависти, лечения, наказания? — размышляет главный герой романа «Выбор» художник Васильев. — Кто они, люди? Венцы творения, цари мироздания или раковые клетки на теле земли?.. Всё приобрело смысл, который не имеет смысла» [6, с. 521]. И вновь звучит тема заблудшего человечества: «Сумасшедшее человечество утратило высший смысл своего существования и заблудилось... Найдёт ли и спасет себя само человечество? Оно дискредитировало себя» [6, с. 530]. Современная цивилизация повела мир «по ложному пути». Мутировавшая современность измеряется ценностями военного поколения: «В войну погиб цвет народа. В живых из лучших сохранились немногие. А дети не стали лучше отцов» [6, с. 713].

Один из самых ярких представителей «поколения сорокалетних», поколения, в отличие от шестидесятников, лишённого иллюзий, Вл. Маканин в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» представляет этого героя нашего времени. Им становится человек андеграунда, потенциальный писатель, живущий в эпоху обесценения слова. «Мы — подсознание России» [10, с. 203]. В нем соединяются лишний человек М. Ю. Лермонтова и подпольный человек Ф. М. Достоевского. Что же открывается этому «подсознанию России», герою, который отстраняет себя от окружающей жизни, становится не ее участником, а наблюдателем? Открывается экзистенциальная усталость русского человека конца XX века, как будто действительно его главная жилочка перекушена мифической Кысью. Наблюдая вереницу людей, идущих к утреннему троллейбусу, герой романа Маканина размышляет: «Неужели эти же люди когда-то шли и шли, пешие, яростные, неостановимые первооткрыватели, на Урал и в Сибирь?.. Этого не может быть» [10, с. 228]. Настолько человек изменился в катаклизмах XX века. «Мелкие, бледные картофельные ростки... Как это их предкам удалось добраться до Берингова пролива, до золотой Аляски, включая её саму, если сегодня потомкам так трудно войти две ступеньки в троллейбус» [10, с. 229]. Здесь уже не духовными горизонтами Серебряного века измеряется мутировавшая современность и не ценностями военного поколения, как у Ю. Бондарева, а необъятными российскими просторами: «Пространства высосали их для себя, для своего размаха — для своей шири. А люди, как оболочки, пусты и продуваемы... работать трудно; жить трудно» [10, с. 229]. Герой Маканина вспоминает песню отца на слова Н. Некрасова о «несжатой полосе», о работе, затеянной «не по силам». Уже не спасительный Отец-Лес обволакивает человека, а невыносимые, вампирические пространства. Экзистенциально уставший человек у Маканина «уже не взорвётся Словом..., не заговорит про Бога» [10, с. 395]. Он способен на преступление, и он же — пациент психушки. «Бесконечный, неостановимый поток истинно вольной речи» [7, с. 229] творит «благую весть» поэмы Вен. Ерофеева, героя реального литературного андеграунда. Но оба героя — и Маканина, и Ерофеева — проходят свой крестный путь на Голгофу. Таким образом, в литературе конца XX века звучат апокалиптические мотивы.

Тема необратимого духовно-нравственного распада народной жизни наиболее остро заявлена в прозе позднего В. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Печальный детектив»): «Деревня наша рассеялась... Вчерашние крестьяне стали ничем, потеряли основу жизни, своё хозяйство и сделались межедомками» [4, с. 771]. Энциклопедией интеллектуальной жизни России конца XX — начала XXI века называют романы В. Пелевина, в которых «есть всё, кроме слова Бог». Героем его провокативных текстов становится человек, потерявший и ищущий свою идентичность, потерявшийся в пустыне смыслов современной цивилизации. Яркой выразительницей антропологического кризиса в литературе рубежа XX—XXI веков является проза и драматургия Л. Петрушевской с ее бытовым и бытийным абсурдом, катастрофическим отсутствием любви в этом мире, отчуждением, гротескным смешением живого и мертвого, человеческого и животного.

Антропологический кризис отражается и в семантике столиц в литературе конца XX века. У А. Вознесенского «Питер» при многократном повторении —

«питерпитерпитерпитер» — превращается в «Терпи». «Мы — утопленники утопии», — писал поэт еще в «Лонжюмо». Об «утопленниках утопии» иронически повествует роман В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» с его пародийной мифологией: Москва Ква-Ква — топь утопии [3, с. 206].

С темой кризиса гуманизма (А. Блок «Крушение гуманизма») русская литература входила в XX век, и на исходе этого века литература свидетельствует о нарастании дегуманизации современного мира. Сошлюсь на прогноз М. Веллера: «В XXI веке мы переходим от человеческой цивилизации к цивилизации киборгов, компьютеров, машин, когда человек делается всё менее нужным... Всё это приведёт к тому, то мы будем жить в мире не совсем человеческом и весьма негуманном уже в конце XXI века» [11, с. 8—9]. Если видеть свет в конце туннеля и говорить о глобальном переходе к новому типу сознания и цивилизации, можно сослаться на мнение Вяч. Иванова: «человек должен так раздвинуть грани своего сознания в целое, что прежняя мера человеческого будет казаться ему тесным коконом... То, что ныне мы называем гуманизмом... должно умереть... и гуманизм умирает». Но для Иванова эта смерть гуманизма означала расширение сознания, «новое чувство богоприсутствия» [8, с. 106], которого так недостает современной литературе.

Библиографический список

1. *Айтматов Ч.* Плаха: Роман. М.: Художественная литература, 1988. С. 414—700.
2. *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры. М.: Эксмо, 1995. С. 5—222.
3. *Аксёнов В.* Москва. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
4. *Астафьев В.* Последний поклон. М.: Молодая гвардия, 2003. 800 с.
5. *Битов А.* Пушкинский дом: роман. М.: Современник, 1989. 399 с.
6. *Бондарев Ю.* Берег, Выбор, Игра: романы. М.: Советский писатель, 1988. 752 с.
7. *Генис А.* Благая Весть. Вен. Ерофеев // Звезда. 1997. № 6. С. 227—229.
8. *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 102—112.
9. *Ким А.* Отец-Лес: роман-притча. М.: Терра, 2002. С. 6—306.
10. *Маканин В.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Вагриус, 1999. 558 с.
11. *Передельватель Вселенной: беседа с М. Веллером // Литературная газета.* 2018. № 20. С. 8—9.
12. *Толстая Т.* Кысь: роман. М.: Подкова, 2001. 384 с.

References

- Ajtmatov, Ch. (1988) *Plaha: Roman* [Plakha: Novel], Moscow: Hudozhestvennaya literature.
- Ajtmatov, Ch. (1995) *Tavro Kassandry* [Tavro kassandry], Moscow: Eksmo.
- Aksyonov, V. (2006) *Moskva* [Moscow], Moscow: Eksmo.
- Astaf'ev, V. (2003) *Poslednij poklon* [Last bow], Moscow: Young Guard.
- Bitov, A. (1989) *Pushkinskij dom: roman*. [Pushkin House: Novel], Moscow: Sovremennik.
- Bondarev, Yu. (1988) *Bereg, Vybor, Igra: Romany* [Beach, Choice, Game: Novels], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Genis, A. (1997) *Blagaya Vest'*. Ven. Erofeev [Good News. Ven. Erofeev], *Zvezda* [Star], no. 6, pp. 227—229.
- Ivanov, Vyach. (1994) *Kruchi: o krizise gumanizma* [Kruchi: on the crisis of humanism], Ivanov, Vyach *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal], Moscow: Respublica.

- Kim, A. (2002) *Otec-Les: Roman-pritcha* [Father-Les: Novel-parable], Moscow: Terra.
- Makanin, V. (1999) *Andegraund, ili Geroj nashego vremeni* [Underground, or a hero of our time], Moscow: Vagrius.
- Peredelyvatel' Vselennoj: Beseda s M. Vellerom [Rework of the Universe: Conversation with M. Weller] (2018), *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], no. 20.
- Tolstaya, T. (2001) *Kys': Roman* [Kys: Roman], Moscow: Podkova.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторе

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Information about the author

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru